

О СЛАВЯНАХЪ МОЛИЗСКАГО ГРАФСТВА ВЪ ЮЖНОЙ ИТАЛІИ.

Викентія Макушева.

Начало сношеній Славянъ съ южною Италією, по положительнымъ извѣстіямъ, восходитъ къ IX вѣку. Въ XI вѣкѣ мы встрѣчаемъ упоминанія о Славянахъ на службѣ Неаполитанцевъ. Въ XII, по памятникамъ Неаполитанскаго архива, было въ южной Италіи уже значительное число Славянъ — людей служилыхъ и приписанныхъ къ монастырямъ. Съ конца XIII по первую половину XV вѣка, Анжуйскіе регистры упоминаютъ о Славянскихъ поселеніяхъ въ Terra di Lavoro, Молизе, въ Абрुцдахъ и Апульи, въ Газтѣ, Неаполѣ и на островѣ Искіи. Новый наплывъ Славянъ въ южную Италію послѣдовалъ при Аррагонцахъ, во второй половинѣ XV вѣка. Къ концу XVI относятся послѣднія Славянскія поселенія. Изъ упоминаемыхъ въ Анжуйскихъ регистрахъ ни одно не сохранило народности; изъ позднѣйшихъ же только три — *Bòda Jùva* или *Kpyyгъ* (Acqua viva colle croci), *San Felice Slavo* и *Montemitro*, съ населеніемъ въ четыре съ половиною тысячи душъ (изъ общаго числа 20,000)¹⁾, — сохранили доселѣ языкъ и обычаи; а всѣ остальные мало по малу поитальянились. Такъ въ

¹⁾ *Dom. Comparetti*, Intorno agli Slavi del Napolitano. Notizie comunicate dal Prof. Ascoli. (Rivista Italiana. 25 Maggio 1868, № 140); *Bòda Jùva* 1920 д. *S. Felice* и *Montemitro* 2514. *Giovenale Vegeszi-Ruscalla*, въ Le colonie Serbo-Dalmate nel circondario di Larino, provincia di Molise (Torino 1864), говоритъ, что по переписи 1862 г., было всего 8,971 д.: *Acqua viva* 1823 и *S. Felice Slavo* 2208.

Монтелонго (1.147 д.), основанномъ въ половинѣ XV вѣка, еще въ прошломъ вѣкѣ старики говорили по Славянски ¹⁾. *Палата*, заселенная Славянами въ тоже самое время и считавшая въ 1646 году 75 огнищъ (нынѣ 3.991 д.) ²⁾, поитальянилась лѣтъ съ 30 тому назадъ. Въ *Тавеннѣ* (2.135 д.), бывшей чисто Славянскою еще въ началѣ нашего вѣка, говорятъ нынѣ по Сербски только старики и ученики г. Де-Рубертиса ³⁾. *S. Giacomo* (918 д.), совершенно поитальянившееся, помнитъ еще о своемъ Славянскомъ происхожденіи: въ немъ празднуется ежегодно, въ послѣднюю пятницу апрѣля, память прихода Славянскихъ поселенцевъ. Въ *S. Biase* (Св. Власій) существуетъ еще преданіе о Славянскомъ его происхожденіи, и удержались нѣкоторыя Славянскія слова ⁴⁾. Славянскія названія различныхъ мѣстностей сохранились и въ поитальянившихся округахъ: *Селина*, *Пуцъ* (*rozzo*, колодезь) *Мали*, *Брѣдо високи*, *Езерина* (на мѣстномъ говорѣ значить—*болото*), *Равница*, *Градина*, *Поплавица*, *Крижина*, *Долацъ* и т. п. ⁵⁾.

¹⁾ *G. De-Rubertis*, *Le colonie Slave nel regno di Napoli*. Zara 1856.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ *Ruscalla* и *Comparetti*, I. c.

⁴⁾ *S. Giacomo* (918) celebra l'arrivo de' coloni slavi l'ultimo venerdì d'aprile; dovèchè gli altri paesi lo celebrano il primo venerdì di maggio. A *S. Biase* (1218): *S. Biase* è il patrono de' coloni slavi del Molise) trovi viva la tradizione delle origini Slave, e parecchi vocaboli slavi sopravvienti nel dialetto italiano; e ivi lessi nel «*Bullettino delle Sentenze*» № 3 (cioè toma III) anno 1810, p. 46 — 7: *esistono tuttavia le capitolazioni stipulate colla colonia degli Schiavoni chiamata dagli antichi baroni ad abitare il feudo* (di *S. Biase*)... *Le capitolazioni primordiali furono stipulate nel 1509 fra Girolamo Carafa e di coloni schiavoni*. *G. J. Ascoli*, *saggi ed appunti* (Estratto dal *Politecnico*, fasc. di Marzo 1867. p. 27, nota 1).—Слѣдующія мѣстности въ графствѣ Молизе—Славянскаго происхожденія: *Montelongo*, *Castelluccio degli schiavi*, *Cologna*, *Montepagano*, *Ripalda*, *S. Biase*, *Cervitello*, *Acquaviva*, *S. Felice*, *Montemitro*, *Tavenno*, *Petaccio*, *Vasto*, *Palata*, *Ruscalla* и т. п. 15.

⁵⁾ «Quasi tutte le contrade del mio paese, говорятъ г. Де-Рубертисъ, «hanno denominazione Slava. Così una chiamasi *Selina* da *selo*, villa, villetta, un'altra *Puc mali*, pozzo piccolo; una terza *Berdo visoki*, colle alto; una quarta *Jeserina* da *jesser*, lago; la contrada più feconda à la *Ravnisa*, pianura, e così via. Anche *Palata* ha le sue contrade Slave, ed una chiamasi *Gradina* da *grad*, piccolo paese, un'altra *Poplavisa*, inondazione; una terza *Kriagina* da cesta croce, piantata accanto a una fontana; e *Montemitro* ancora ha le sue contrade slave, così *Dolas*, vallea ec. *Rivista Italiana*, I. c.

Первыя извѣстія о Славянскихъ поселеніяхъ въ Молизскомъ графствѣ были сообщены въ 1856 г. жителемъ Круча, г. Де-Рубертисъ, въ письмахъ, адресованныхъ имъ къ извѣстному дубровницкому поэту, Медо-Пуцичу, находившемуся въ то время въ Неаполѣ. Сообщая ему свѣдѣнія историческія и этнографическія о своихъ землякахъ, г. Де-Рубертисъ не предназначалъ своихъ писемъ для печати, а потому и не обработалъ ихъ, какъ слѣдуетъ. Несмотря на это, его письма «*Delle colonie Slave nel regno di Napoli (Zara 1856)*», напечатанныя въ *Osservatore Dalmato*, представляютъ доселѣ лучшій сборникъ свѣдѣній о Молизскихъ Славянахъ; жаль только, что пѣсни записаны дурно.

Въ 1863 году, Domenico Comparetti напечаталъ въ *Rivista Italiana* (25 Maggio, № 140), коротенькую замѣтку «*Intorno agli Slavi del Napoletano. Notizie comunicate dal prof. Ascoli*». Въ ней сообщены полученные г. Асколи отъ г. Де-Рубертиса краткія статистическія свѣдѣнія о Молизскихъ Славянахъ и Славянскія названія мѣстностей.

Въ 1864 году, бывшій депутатъ Итальянскаго парламента, Giovenale Vegezzi-Ruscalla издалъ въ Туринѣ брошюру: «*Le colonie Serbo-Dalmate del circondario di Larino, provincia di Molise*». Г. Рускалла первый обратилъ вниманіе на особенности языка Молизскихъ Славянъ; но его выводы, основанные на дурно понятомъ и еще хуже изданіемъ переводѣ г. Де-Рубертиса притчи о блудномъ сынѣ, оказываются ложными. Итальянецъ по происхожденію, мало приготовленный къ подобному труду, г. Рускалла принялъ свои ошибочныя чтенія за дѣйствительно существующія формы языка, каковы напр. *otaci* вм. *otcu*, *scudo* вм. *ciudo*, *vesato* вм. *veselo*, *biç* вм. *bio*, *ubie* вм. *ubio*, *zsvaç* вм. *živuč* и т. п.; надѣлалъ пропусковъ (*'ni grad* вм. *na oni grad*) и, не умѣя узнать формы прошедшаго простаго, увѣряетъ, что оно пропало и что существуетъ только прошедшее сложное. Такимъ образомъ существенная часть брошюры г. Рускаллы оказывается не пригодною для науки, а сообщенныя имъ свѣдѣнія историческія и статистическія были уже извѣстны прежде.

Въ 1867 г., проф. Асколи напечаталъ въ Миланскомъ *Politecnico* (Marzo 1867) нѣсколько строкъ пѣсни о Марѣ и Иванѣ Карловичѣ, одну пословицу, пѣсню пастуховъ и причитанье; но онъ не сумѣлъ отличить глухихъ гласныхъ отъ ясныхъ и не обратилъ надлежащаго вниманія на выговоръ *ъ*, а потому въ его изданіе вошли формы не только несуществующія, но даже невозможныя, каковы напр.: *ja gredahhu sami* вм. *я предахъ самъ*, *straho* вм. *strah*, *dokie* вм. *doћъ* и т. п.

Наконецъ, въ томъ же году, г. Де-Рубертисъ сообщилъ любопытныя историко-статистическія свѣдѣнія о Молизскихъ Славянахъ въ «*Gazetta della provincia di Molise* (5 Octobre 1867, № 2)».

Почти все, что до сихъ поръ извѣстно въ печати о Молизскихъ Славянахъ, принадлежитъ перу г. Де-Рубертиса или было имъ сообщено. Одинъ только г. Асколи посѣтилъ Славянскія поселенія Ларинскаго округа и записалъ кое-что со словъ дочери г. Де-Рубертиса и одного старика. Изъ славистовъ никто не былъ въ этихъ поселеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Де-Рубертисъ лучшій знатокъ своихъ земляковъ; но, во 1-хъ, онъ поэтъ, а не лингвистъ, и другихъ Славянскихъ нарѣчій не знаетъ; а во 2-хъ, онъ нѣсколько знакомъ съ новою Сербскою литературою, и потому естественно могъ внести въ свои произведенія Сербскія формы, несуществующія въ Молизскомъ говорѣ. Такимъ образомъ стало для меня насущною потребностью посѣтить лично Славянскія поселенія въ округѣ Ларино, прислушаться къ народному говору, отмѣтить его особенности грамматическія и лексическія, провѣрить тексты напечатанныя, записать уцѣлѣвшія произведенія народной словесности и собрать свѣдѣнія объ обычаяхъ и повѣрьяхъ. Посильное рѣшеніе этой задачи приняли мы на себя, я и кандидатъ московскаго университета, извѣстный болгарскій писатель, М. С. Дриновъ, и, улучивъ удобное для обоихъ насъ время, отправились мы въ Молизское графство. Не задолго до отъѣзда, мы познакомились въ Неаполѣ съ уроженцемъ Круча,

священникомъ Павломъ Веттою, отправлявшимся на родину на праздникъ 1 мая. Такъ какъ не могло быть времени болѣе удобнаго для наблюдений, то мы, не откладывая далѣе, поспѣшили вслѣдъ за г. Веттою.

16 (28) апрѣля мы выѣхали изъ Неаполя въ Термони, куда прибыли въ четвертомъ часу по полуночи. Отдохнувъ, мы рѣшились отправиться на слѣдующее утро въ дилижансѣ въ Ларино (такъ какъ другаго пути въ Кручь не знали); но оказалось, что дилижансѣ отправляется въ 7 часовъ вечера, а потому, чтобы не терять цѣлаго дня, мы стали искать какого-нибудь экипажа до Ларино. Нашлись только двухколесныя открытыя телѣги. Шелъ крупный дождь. Приходилось ждать. Къ полудню дождь пересталъ. Мы сѣли въ телѣгу и пустились въ путь по шоссе, идущему въ Кампобассо (главный городъ Молизе) черезъ Ларино. Подъѣзжая къ этому городку, мы видѣли развалины обширнаго амфитеатра, свидѣтельствующаго о томъ, что здѣсь былъ нѣкогда богатый и населенный городъ. Нынѣ Ларино ничтожный городишко, безъ всякаго значенія, хотя и имѣетъ своего епископа, пребывающаго нынѣ въ Римѣ для увеличенія числа отцевъ собора. Епископъ этотъ Итальянецъ; онъ употребляетъ непростительныя мѣры для уничтоженія старыхъ обычаевъ въ подвѣдомственныхъ ему Славянскихъ поселеніяхъ. Мы остановились въ лучшей гостинницѣ—на краю города; но эта гостинница несравненно хуже нашего постоялаго двора. Въ ней только двѣ комнаты, одна съ четырьмя, другая съ тремя постелями; мы избрали послѣднюю. Стекла въ окнѣ оказались выбитыми, и вѣтеръ и сырость свободно проникали въ комнату. Постели грязныя, полныя насѣкомыхъ. Кромѣ старыхъ, твердыхъ какъ дерево куръ, дурной рыбы и салата, заправленнаго ламповымъ масломъ, нельзя было ничего другаго достать. Свѣчей нѣтъ. Намъ подали свѣтильню, которую мой спутникъ имѣлъ неосторожность опрокинуть, и мы остались

въ потьмахъ съ залитыми масломъ книгою и папиросами. Было уже поздно, чтобы продолжать путешествіе (мы приѣхали въ Ларино въ 5 часовъ пополудни), и мы должны были оставаться на ночлегъ въ этой грязной корчмѣ; но шумъ и гамъ цѣлую ночь не давали намъ спать. Поднявшись рано, мы увидѣли, что идетъ сильный дождь и что нѣтъ никакой возможности отправиться далѣе по невыносимой дорогѣ. Особенно насъ страшила переправа черезъ рѣку Бифорно, зачастую уносящую въ море людей и лошадей. Въ отчаяніи мы помышляли уже вернуться назадъ, ничего не видѣвъ и не слышавъ; но, къ счастью нашему, къ полудню пересталъ дождь, и мы немедленно сѣли на лошадей и отправились въ вождельнную Воду Живу. Только въ началѣ была узкая дорога, загроможденная камнями, а затѣмъ намъ пришлось самимъ пролагать ее черезъ поля, горы и ручьи. Дождь размочилъ глинистую почву, лошади скользили, и намъ не разъ грозила опасность оборваться съ горы въ пропасть. Черезъ 1½ часа мы прибыли къ Бифорно. Воды оказалось въ ней мало, и мы благополучно переправились верхомъ на лошадяхъ на другой берегъ, при помощи проводниковъ, отыскавшихъ бродъ; только ноги замочили. За Бифорно была такая же дорога до самой Воды Живы, куда мы прибыли къ вечеру, послѣ шести-часоваго утомительнаго путешествія. Виды повсюду живописные. Почва плодородная, богатая растительностью. Подѣзжая къ Водѣ Живѣ, мы встрѣчали пастуховъ и пастушекъ. Мы привѣтствовали ихъ пожеланіемъ добраго вечера; въ отвѣтъ они намъ смѣялись. Причину этого смѣха мы узнали только въ Водѣ Живѣ: у тамошнихъ жителей нѣтъ другаго привѣтствія, кромѣ: *хвала Богъ!* По наставленію адвоката Ветты, съ которымъ мы познакомились въ Ларино (онъ также Славянинъ изъ Воды Живы), проводникъ привелъ насъ прямо въ домъ г. Де-Рубертиса, гдѣ ожидала насъ самая радушная встрѣча. Нашъ Неаполитанскій знакомецъ, священникъ Ветта предупредилъ о нашемъ приѣздѣ г. Де-Рубертиса, а онъ возвѣстилъ всему селу объ ожидаемыхъ гостяхъ — братьяхъ Славянахъ: мы были первыми Славянскими гостями въ

Водѣ Живѣ, а потому неудивительно, что мы стали предметомъ всеобщаго любопытства и вниманія: дѣти, старики, молодежь, женщины — все населеніе толпилось около насъ и ловило каждое наше слово, радуясь, что мы говоримъ на ихъ языкѣ. «*Наша кровь*», «*нашъ языкъ*», «*наша челедь*», «*братья наши*» слышалось со всѣхъ сторонъ. Они слышали, что мы говоримъ на *ихъ языкъ*, что мы понимаемъ ихъ; слѣдовательно мы не чужіе имъ, мы *однокровные* и *одноязычные* съ ними *братья*, мы ихъ *люди*. Такимъ образомъ у Молизскихъ Славянъ, какъ у древнихъ нашихъ предковъ, понятіе о языкѣ и народности сливаются воедино. Позднѣйшаго происхожденія слово *народъ* у нихъ не существуетъ.

Но кто же эти братья ихъ? — *Скиавуни* (итальянское Schiavoni); подсказываютъ имъ сосѣди ихъ, итальянцы. Много ли этихъ *Скиавуновъ*, гдѣ они живутъ и какъ произываются? Наши итальянскіе соплеменники знаютъ только объ однихъ Далматинцахъ, пріѣзжавшихъ въ близкій Термони по торговымъ дѣламъ (теперь эта торговля прекратилась), и съ удовольствіемъ вспоминаютъ о братскихъ бесѣдахъ съ ними. Слышали они, что Австрійскій императоръ — *скиавунъ*. Этимъ ограничиваются свѣдѣнія ихъ о Славянахъ. Со вниманіемъ, радостью и удивленіемъ слушали они насъ, когда мы рассказывали имъ, какъ много Славянъ, гдѣ они живутъ и какъ прозываются, что есть сильное Славянское царство, гдѣ Славяниномъ не повелѣваетъ чужеземецъ... Было для нихъ новостью, что Русскіе — такіе же Славяне, какъ и они. Не слышали они ничего ни о Черногорцахъ, ни о Турецкихъ Славянахъ. По преданью только твердятъ они, что Турція *Яка*. Понятіе объ *иностранцѣ* слилось въ ихъ сознаніи съ понятіемъ объ итальянцѣ: и того, и другаго они называютъ *Влазомъ*. Съ ближайшими *влазами* сосѣднихъ итальянскихъ деревень живутъ они мирно и дружно и вступаютъ въ родственныя связи (такъ какъ бракъ между собою, въ слѣдствіе родства разрѣшается епископомъ иначе, какъ по взносѣ значительной суммы, зависящей отъ произвола его секретаря); но любятъ трунить надъ глупостью итальян-

цевъ. Мы записали со словъ мѣстнаго священника, о. Де-Рубертиса, слѣдующее любопытное въ этомъ отношеніи изрѣченіе.

Гледи, корко *ли* ¹⁾ чини ови Влахъ:
 Маняъ унугра постелю уми лечъ;
 Яшье наприя бичвъ, пакта гачъ.
 Какъ га видимъ, торко чьму *ли* ²⁾ речъ:
 Корко сламе стае ни ену вричь, т. е.

посмотри, что дѣлаеть влахъ: даже въ постель не умѣеть лечъ; снимаетъ сначала чулокъ, а потомъ сапогъ; всякій разъ, какъ его вижу, хочю спросить его: сколько соломы помѣщается въ мѣшкѣ?

Съ Итальянцами Молизскіе Славяне не смѣшиваютъ *Албанцевъ*: они называютъ ихъ *Грочи*. Это, по ихъ понятію, народъ грубый, злой, мстительный и предательскій.

Несмотря на близкое сосѣдство, на безпрестанныя взаимныя сношенія, Албанцы нимаю не понимаютъ по-Славянски, и по увѣренію нашего проводника, несмотря на всѣ усилія, не могли ни слова научиться по-Славянски; Славяне же хоть сколько нибудь говорятъ по-Албански. Посредствующимъ между ними языкомъ служить Итальянскій.

За двухдневный постъ и бѣдствованіе г. Де-Рубертисъ вознаградилъ насъ сытнымъ ужиномъ, отличнымъ виномъ своего произведенія (въ родѣ мадеры) и славными постелями, съ которыми тяжело было намъ разставаться на слѣдующее утро: чтобы видѣть майскій праздникъ, нужно было встать въ 6 часовъ. Вотъ какъ онъ совершается:

Восьмеро старѣйшихъ въ селѣ несутъ по дереву, украшенному цвѣтами, лентами и пряниками. Впереди ихъ идетъ ловкій парень, одѣтый *маема*: вся его одежда съ ногъ до головы состоитъ изъ сучьевъ, листьевъ, цвѣтовъ и лентъ. Его самага не видно.

¹⁾ Что это за *ли*? Намъ переводили по-Итальянски *мон*, что не даетъ однако смысла. Не перестановка-ли это изъ *илъ* (подобно *крикка, до* вм. *одъ, отъ*)? въ такомъ случаѣ *корко ли чини* соотвѣствовало бы итальянскому *quanto ne fa sciocchezze*.

²⁾ *Чьму ли речъ* = тому ихъ речъ, *ne vorrei dirgli*.

Оставлены только отверстія для глазъ. Съ музыкою они идутъ къ церкви. *Май* останавливается у церковныхъ вратъ. Выходитъ священникъ, читаетъ передъ нимъ молитву и благословляетъ его. Тогда поселяне, сопровождающіе *май*, входятъ въ церковь, приносятъ въ даръ священнику что есть лучшаго въ это время года (мы видѣли, напр. великолѣпнѣйшую спаржу, сыръ и т. п.), становятся на колѣни предъ алтаремъ, за коимъ насыпаны двѣ кучи пшена, и поютъ молитву по-Итальянски (по-Славянски въ церкви запрещено пѣть). Затѣмъ съ музыкою идутъ отъ церкви по домамъ, впереди ихъ *май*, съ пожеланіями счастливаго лѣта. Музыканты садятся наземь; остальные же стоятъ близъ нихъ, авансцену занимаетъ *май*. Четверо изъ сопровождающихъ *май* поютъ:

Ко е река, ка Майо нимашъ дошь?
Одека напридъ онъ види ѡга прошь?

Затѣмъ поютъ хоромъ:

Лицъ господицъ вашъ,
Хититъ намъ штогодъ,
Ми есмо челедь вашъ,

Четверо предвѣщаютъ:

Я виѣю вашъ земль травъ пунъ,
Я виѣю вашъ овцъ пунъ вунъ.

А хоръ продолжаетъ:

Я виѣю ситъ,
Добро доша вашъ лить.
Я виѣю начвъ;
Пунъ вино вашъ бачвъ.

Затѣмъ хоръ обращается къ *маю*, стоящему неподвижно:

Играй, Майо; играй Майо! (Май пляшетъ).

Четверо поютъ:

Майо е намъ доніо лицъ данъ;
Я виѣю дубъ, пунъ вашъ гранъ!

Хоръ:

Лица моя лозицъ,
Ка будешъ чюдъ *) родитъ,
Ибванъ путь тесь ма водитъ.

*) чюдъ — много.

Четверо:

Богъ чува нашъ градъ и нашъ стнѣзъ¹⁾.
Здравъ вамъ и свихъ вашъ снѣзъ!

Всѣ:

Лишь господишь нашъ,
Хитишь намъ штогодъ,
Ми есмо челедь вашъ.

Обходъ начинается съ снѣдика, какъ начальника села. Затѣмъ пришли къ намъ. Нашъ хозяинъ, чтобы доставить намъ возможность видѣть также пляску, позвалъ ихъ на дворъ (на улицѣ запрещено плясать).

Къ общимъ пожеланіямъ наши добродушные соплеменники вставили въ пѣсню слова:

Дошли су къ намъ наша братья Скиавунъ изъ Ларинъ, съ подбающимъ пожеланіемъ, которое, къ сожалѣнію, мы не успѣли записать. По окончаніи пѣсни, получивъ отъ насъ щедрый даръ, начали плясать. Вышли на средину два парня и проплясали извѣстную *тарантеллу*, считающуюся народнымъ Неаполитанскимъ танцемъ, но сильно напомнившую мнѣ Сербско-Далматинскій, а моему спутнику Болгарскій (родиною тарантеллы считается *Искія*, а на Искіи было много Болгаръ при Анжуйцахъ: они были прогнаны королемъ Альфонсомъ, призвавшимъ сюда Испанскихъ поселенцевъ). Другой танецъ, *spallatta* (отъ *spalle*, плечи), чрезвычайно оригиналенъ: пляшущіе безпрестанно вертятся и ударяются плечами.

Обойдя всѣ дома въ селѣ, отправляются на близлежащій холмъ, гдѣ сожигаютъ мая, и позднимъ вечеромъ, на-веселѣ, возвращаются домой съ пѣснями и музыкою. Было уже около полуночи, и мы начали засыпать, когда подъ окнами нашими раздалась серенада...

Вода Жива, проще называемая *Кручъ* (Сгосе), обязана своимъ происхожденіемъ переселенцамъ изъ *Черрителло*, покинувшимъ это селеніе въ слѣдствіе опустошительной холеры въ 1537 году. Въ 1540 г. въ Кручѣ считалось 40 огнищъ, въ 1595 —

¹⁾ стнѣзъ — камень, скала.

60, въ 1648—53 (число жителей уменьшилось въ слѣдствіе холеры), въ 1669—60 ¹⁾. Называется это село *Вода Жива* по находящемуся въ немъ источнику воды, отличающейся превосходными качествами. Мѣстные жители гордятся этою водою и говорятъ, что въ другихъ селеніяхъ вода *мертвая*. Климатъ здоровый. Почва плодородная. Кругомъ села богатые нивы, пастбища и виноградники. Отсюда вывозится въ Термони пшено. Бѣлое вино, изготовляемое въ Кручѣ, не уступаетъ хересу и мадерѣ и лучше Сицилійской марсалы. Красное вино не такъ крѣпко и жиже. Приготавливаютъ также вишневку и другія настойки. Наружностью село не отличается отъ Итальянскихъ. Одежда жителей таже, что у Итальянцевъ. Она состоитъ изъ *кошули*, *трабежа* (штаны) *камижолы* (жилетъ), *бичозъ* (длинные чулки, доходящіе до колѣнъ), *жуны* (куртки), короткаго *плаща*, замѣняемаго иногда длиннымъ *кабаномъ* (иначе *кабанщица*). На ногахъ *постоле* (башмаки, — слово, существующее у Болгаръ), на головѣ круглая низкая Итальянская шляпа. Женщины одѣваются по-Итальянски. До послѣдняго времени дѣвушки ходили съ непокрытою головою. Почему-то этотъ старославянскій обычай не понравился Итальянскому епископу, который приказалъ не причащать тѣхъ, которыя будутъ ходить въ церковь съ непокрытою головою. Но эта мѣра произвела только насмѣшки, а потому духовенство прибѣгло къ другой болѣе дѣйствительной: упорнымъ было объявлено, что имъ не будетъ разрѣшаемо вступленіе въ бракъ, если онѣ не покроютъ головы; къ вратамъ церкви были приставлены жандармы, не пропускавшіе непокрытыхъ головъ. Въ слѣдствіе такихъ мѣръ дѣвушки стали повязывать на головѣ платокъ, но для отличія отъ замужнихъ онѣ связываютъ его бантикомъ подъ подбородкомъ. Жители рослы и крѣпкаго тѣлосложенія. Женщины отличаются красотою. Кручане характера молчаливаго, воздержнаго и чрезвычайно гостепріимнаго. Существуетъ преданіе, что Славянское поселеніе въ Кручѣ было основано *Миркомъ*. Родъ Мирко самый многочисленный. Мирко характера грубаго, корыстолюбивые, склонны къ захватамъ чужой

¹⁾ Gazz. della provincia di Molise. 5 Ottobre 1867, № 2.

собственности. Ихъ ненавидятъ другіе роды, изъ коихъ наиболѣе многочисленный *Ради*, и называютъ въ насмѣшку *Мурляки* (мурлаки). Поселенцы не имѣютъ своей недвижимой собственности: они сидятъ на землѣ помѣщиковъ, отъ которыхъ получаютъ и жилища. Отношенія земледѣльцевъ къ землевладѣльцамъ тѣ же, что во всей Италіи. Поселенцы жаловались намъ на тягость податей, безпрестанно увеличивающихся. Они *убоіе, брижные*, не имѣющіе своей собственности и проживающіе со дня на день трудами своими, платятъ правительству *ricchezza mobile!* Утопающій хватается и за соломину: въ селѣ говорили, что мы не даромъ пріѣхали къ нимъ, что мы на мѣстѣ хотимъ убѣдиться въ ихъ бѣдствіи и положить ему предѣлъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ жалобы, незамѣтно ницеты: народъ трудолюбивый и неразвращенный всегда найдетъ средство къ своему существованію. Помѣщиковъ поселяне называютъ по-итальянски *galantuomini*. Во всемъ Кручѣ, кажется, только два помѣщичьихъ рода (весьма многочисленныхъ: *Де-Рубертисъ* и *Ветта*. О синдикѣ Де-Рубертисѣ намъ говорили, что онъ имѣетъ *чодъ робъ* (molta gobba). Онъ сидитъ сиднемъ дома, и только ради насъ, на удивленіе всего села, пошелъ на прогулку. Его встрѣчали шутками, отъ которыхъ онъ отшучивался, какъ умѣлъ. На бѣду, желая перепрыгнуть черезъ ровъ, онъ упалъ ницъ и, по толстотѣ своей, безъ посторонней помощи не могъ подняться. На возвратномъ пути поселяне, видя его выпачканнымъ въ грязи, не давали ему прохода шутками. Это — добрый, гостепріимный весельчакъ, о которомъ мы не слышали дурнаго слова. Его двоюродный братъ, нашъ хозяинъ, Иванъ Де-Рубертисъ сходенъ съ нимъ по характеру только въ добротѣ и гостепріимствѣ. На лицѣ его видна постоянно забота о многочисленномъ семействѣ, для содержанія котораго онъ принужденъ держать въ домѣ школу. Человѣкъ честный и образованный, преданный своей народности, онъ постоянно терпѣлъ неудачи и неудовольствія. Ему была давно обѣщана каведра философіи въ гимназіи Кампобассо; но всякій разъ какъ открывалась вакансія, его обходили, и назначали на это мѣсто людей недостойныхъ и девѣ-

жественныкъ. Въ прошломъ году онъ былъ директоромъ гимназiи въ Казакалендѣ; но, увидѣвъ, что его ревность не ведетъ ни къ чему, что учителя не знаютъ своего дѣла или не занимаются имъ (трое изъ нихъ приходили на урокъ въ пьяномъ видѣ и засыпали на кафедрѣ: во время изъ безмятежнаго сна ученики разрывали ихъ носы чернилами), онъ отказался отъ этой должности и возвратился на родину. За нимъ послѣдовало семь гимназистовъ (четыре Итальянца и три Албанца), которыхъ мы и застали въ его домѣ. Г. Де-Рубертисъ пользуется въ Италiи доброю славою: «*Giovanni de Rubertis, di Acquaviva colle Croci*», говоритъ профессоръ Асколи (op. cit. p. 28), — *che nasce poeta e va adorno di molto e vario sapere, il quale egli diffonde, con nobile perseveranza, tra i suoi concittadini*». Изъ его Итальянскихъ произведенiй извѣстны: *I Martiri di Montefalcone e Caccavone* (Campobasso, 1863), — *Casimiro Bogdanovich, Episodio dell'insurrezione Polacca del 1863* (ibid) и *Poesie serbe di Medo Pucić* (Orsato Pozzo), *volgarizzate da Giovanni de Robertis, Italo Slavo, Direttore del ginnasio in Casacalenda*. (2 ed. Caserta 1869). Въ посвященiи этого послѣдняго труда своимъ землякамъ г. Де-Рубертисъ говоритъ: «Вамъ, моимъ почтеннымъ землякамъ, умѣвшимъ въ продолженiи столькихъ вѣковъ, при самыхъ разнообразныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ, сохранить съ удивительнымъ постоянствомъ языкъ нашихъ предковъ, которые послѣ гибельной Илиады Коссовской принуждены были покинуть родину, посвящаю я этотъ свободный переводъ Сербскихъ пѣсень, питая сладкую надежду, что вскорѣ будетъ учреждена на нашей родинѣ школа, въ которой учащаяся молодежь будетъ мочь заодно съ языкомъ Данте изучать языкъ Вука и Гундулича.... Препятствiя (къ изученiю красотъ Сербскаго языка), можно надѣяться, будутъ побѣждены, не только потому, что узкое море отдѣляетъ насъ отъ нашей древней родины, но также потому, что новая эпоха, благопрiятствуя свободному проявленiю мысли, открываетъ новые пути для мореплаванiя и торговли, и приближаетъ насъ какъ бы волшебствомъ къ тѣмъ народамъ, которые, находясь на неукро-

тѣмъхъ вершинахъ Черной Горы и Сербіи и вдоль береговъ Дуная и Адриатики, имѣютъ общій съ нами языкъ, общія стремленія и влеченія» и т. д.

Къ сожалѣнію, надежды г. Де-Рубертиса на учрежденіе Славянской школы въ Кручѣ не оправдались, несмотря на всѣ его хлопоты и старанія.

Цѣлью къ изданію Итальянскаго перевода Сербскихъ произведеній (не только Пупича, но также Сундечича и народныхъ) было желаніе «пробудить въ отечествѣ Данте любовь къ Славянской словесности». Переводъ близокъ и вѣренъ, стихъ легокъ. Для образца приведемъ слѣдующія строфы изъ поэмы Кара-Джорджи:

Or le parole

Non ci fanno alcun prò; ora c'è d'uopo
Agir pronto e concorde; e a egregi fatti
Si aprono già l'Elleniche contrade.

Come noi due faveliam celati,
Saper lo dei, così per tutto Oriente
Si raccolgono i fidi, e finchè l'ombra
Al Musulmano li nasconde, ognuno
Appresta l'armi, ognuno s'apparecchia
Pel dì fissato; e in capo al sodalizio
Di Russia la bianca Aquila aleggia.

Tutti miriamo ad uno scopo; a noi
Però dare conviene il primo segno
Di così santa impresa; a quanto soli
Per ben dieci anni travagliammo, or fia
Tutto per opra unanime compiuto.
Oh si! fia rotto l'esecrato giogo
De' Saraceni, se muoviam concordi;
E a noi congiunte forneran le belle
Serbiche terre, patrimonio avito.

Risorgerà la Bosnia che tanto
Sospira appresso a noi; l'Erzegovina,
Sventurato paese, e la Dalmazia
Delle latine lettere cultrice;
La balda gioventù del Montenero,
Che sola seppe libera serbarsi,
E l'alma sorgerà nobil Ragusa,
Viva memoria delle patrie glorie.

Estenderassi tosto la nostr' ala
Oltre dell'Emo alle tremende rupi;
Colà dove la Bulgara pianura
Si espande dall'Egeo fino all'Eusino,

Calla de'nostri Apostoli; là dove
Brilla tuttora l'Atos venerando,
Tra le cui falde i buoni cenobiti
Are di Serbia alternano le lodi.

A questa eroica ridda la Slavonia
Allegra accorrerà e il ricco Sirmio
Da' viniferi poggi, ed il Confine,
Nido di falchi, e la Croazia alpestre
Col suo celebre Bano, e con l'altera
Sua nobiltà, di Marte a' campi avvezza;
Ed uniransi a loro le contrane
Carniche terre, onde la fredda Mura,
E la Drava, e la Sava han lor sorgenti.

Un solo idioma queste genti tutte
In un'alma congiunge, ed in un corpo;
E perchè a tutte, come il cor, dia vita,
Iddio la Servia collocò nel centro;
Ed esse insieme sorgeranno appena
Da Belgrado udirassi il nostro grido». etc.

Мѣсто и цѣль статьи не позволяютъ мнѣ познакомить читателей поближе съ превосходнымъ трудомъ г. Де-Робертиса. Онъ писалъ также Сербскія пѣсни на мѣстномъ говорѣ, но не прочелъ намъ ни одной. Ему принадлежитъ пѣсня, напечатанная въ статьѣ «о Славянскихъ поселеніяхъ въ южной Италіи.» Считаю небезполезнымъ сообщить исправленный мною текстъ ея:

Ди си пошла зипъ сунць?
Ди си пошла звиздъ моя?
Ова душъ бишь твоя:
Ко е т'оя ¹⁾ спридъ менъ?
Свакъ хипъ я та видахъ,
Бихъ весео краемъ тебъ;
Реци менъ си есь у небъ,
К'онда вазеть ѣю та дѣ.
Убогъ я! Ка ти съ ма уздала,
Ета има другъ дичаль: ²⁾
Кой богъ, кои краљъ
Ма та проститъ на 'ви свить?
Ти машъ плакати ове сузь,
Ко я хитамъ сваку ноћъ;
Груба немпла, ове оћъ
Вазда плакати маю та витъ. ³⁾

¹⁾ Отнялъ тебя.

²⁾ Парень.

³⁾ Видѣть.

Ахъ! я нећемъ твоѣ сузѣ,
 Е ти хоћешъ сузѣ мое;
 Ови сръдцѣ ёшь е твоѣ,
 Ниса немилъ каково ти.
 Када стоишь здала земль,
 Никкорь ¹⁾ плавать ће на доћь,
 Ди я стоимъ нимашь проћь,
 Нимашь газить мою ямъ. ²⁾

Мы не могли не замѣтить, что чрезвычайно стѣсняемъ нашего добраго хозяина. Въ его небольшомъ домѣ, кромѣ многочисленнаго семейства, помѣщается школа. Уступивъ намъ двѣ лучшія комнаты, очевидно, онъ стѣснилъ себя до крайности. Кромѣ того, онъ издерживался на обѣды (въ 11 часовъ) и ужины (въ 9 часовъ) и лишалъ себя лучшаго вина, припасеннаго на чрезвычайные случаи. Дождливая погода не позволяла намъ съѣздить въ *Санъ-Феличе Славо*, ни въ болѣе отдаленное *Монтемитро* (гдѣ въ первую пятницу мая бываетъ базаръ). А потому мы рѣшились утромъ на слѣдующій день выѣхать изъ Круча. Вечеромъ собрались къ намъ всѣ *galantuomini*, большею частью священники. Отъ нихъ мы слышали много любопытныхъ словъ и выраженій, пословицъ и поговорокъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы записали слѣдующія:

— Есь какъ ена кучакъ, ка стои све у хладъ. (Ты какъ собака, все стоишь въ тѣни: говорятъ о человѣкѣ, нежелающемъ труда).

— Кучакъ лае, витаръ носи.

— Ко данасъ е липъ, съютра е слипъ (о перемѣнчивости судьбы).

— Зло бухъ палить.

— Лаю кучѣлья у трѣбухъ (о голодномъ).

— Ыю ти чинить врѣчь.

— Обе дви ногъ на ена постолъ.

— Како Мара преда, како греда (по дѣламъ вору мука).

¹⁾ Никто.

²⁾ Моглау.

—Рибъ великъ зънда рибу малу.

— Бижъ кокошь богенъ (Божій), ка отта (вотъ) е пилюхъ господинъ (или синьюринъ).

— Ко има ена прась, га реста тустъ; ко има ена синъ, га реста пусть.

Новыхъ пѣсень мы не слышали. Народъ поеть Итальянскія пѣсни. Сохранились только *причитанья* надъ покойникомъ, одна пастушья пѣсня и отрывокъ изъ большой пѣсни о Марѣ и Иванѣ Карловичѣ. Изъ причитаній два напечатаны въ статьѣ г. Де-Рубертиса и одно — г. Асколи, издавшимъ также пѣсни. Считаю полезнымъ сообщить ихъ текстъ, мною исправленный:

Сестра причитаетъ надъ гробомъ младенца:

«Братъ мой! заѣхъ придъ нашу дивойкъ! Понесью у небъ придъ Богъ! Учинь ю путь: ти знашь, ка нашъ дивойкъ е малъ!» (Братъ умеръ прежде малолѣтней сестры).

Причитанье матери:

«Ружицъ моя, ди си пошла? Божъ мой, ухитъ за власъ ова моя щерь! Дръжь ю свазданъ (всегда) краемъ тебъ! Запто нисъ вазео менъ? Божъ мой, Божъ мой!»

Дѣти причитають надъ гробомъ молодой матери:

«Липъ моя матъ! ди съ насъ остала (оставила) усри (среди) путь? Врнися, матъ, реце ми штогодь: кой путь мамъ вазтъ (взять) я *senza* никрогъ (безъ никого).»

Пастушья пѣсня, безобразно записанная г. Асколи, читается такъ:

Я гредяхъ самъ по путь,
Завибахъ енъ липу дивойкъ.
Ди грешъ, липа дивойкъ моя?
Она сміюшь, сміюшь,
Е жи бръвила плећа,
Ни еву ришь
Е ми тила ришь.

Отрывокъ пѣсни, который поють дѣвушки въ святки.

Другъ драга, хомъ ¹⁾ у ружицъ;
Другъ драга, не моремъ дошь:

¹⁾ Поидемъ.

Имамъ страхъ до Иванъ Карловиъ;
 Есу седамъ годиштъ,
 Ке се не нада ни животъ, ни животъ....
 Пръве цвића, ке Мара е набрала,
 Згора стине морморице ^{а)} е врѣжла:
 Вако даби сашуша срѣдъ Иванъ Карловиъ,
 Како сашушу ове цвића згора стине морморице.
 Чула Мара звоницъ до кониъ:
 Е питала, што есу те кониъ.
 Те есу конъ Иванъ Карловиъ.

. . . . .

Пѣсню эту поютъ дѣвушки въ святки. Старикъ, со словъ котораго г. Асколи записалъ эту пѣсню, рассказывалъ ему о слѣдующемъ древнемъ обрядѣ, о которомъ онъ слышалъ отъ своей бабушки, и который нынѣ не существуетъ болѣе: «Въ новыи годъ, въ полдень, поселанки отправлялись къ *фонтану* и, наполнивъ каждая свое ведро и поставивъ его на голову, шли на площадь съ пѣснями и танцами; впереди ихъ шли мущина съ гитарою или мандолиномъ и женщина съ бубнами. Кругомъ площади стояли мущины; женщины становились посрединѣ, плясали подъ звуки музыки и прыскали въ лице мущинамъ водою изъ ведеръ, которыя продолжали держать надъ головою до тѣхъ поръ, пока не исчерпывали всю воду». Этотъ обрядъ нынѣ вывелся; но сохранился еще обрядъ сожиганія *бадняка* въ *Божичъ* (на мѣстномъ говорѣ *Божћа*), хотя при этомъ не произносятъ никакихъ пожеланій. Бадняка приносятъ въ домъ при свѣтѣ факеловъ, называемыхъ *смерчекъ*. О весеннемъ праздникѣ 1-го мая было говорено выше. При похоронахъ произносятъ *причитанья*, образцы коихъ также приведены выше. О другихъ обрядахъ и праздникахъ мы не слышали. Вѣра въ *вѣдмъ* (*виштитце*), *вукодлаковъ* и *силъ* еще держится въ народѣ; но онъ знаетъ только *злыхъ* вилъ-невидимокъ, забивающихъ до смерти путешественниковъ. Объ освобожденіи отъ злыхъ духовъ обращаются къ святому Михаилу, и на этотъ случай есть особая молитва. Для предохраненія отъ вѣдмъ ставятъ на порогѣ дома сосудъ съ житомъ: вѣдма начинаетъ пересчитывать зерна, и эта операція продолжается до зари, съ появ-

¹⁾ Sulla pietra, a cui l'acqua gorgoglia intorno. Ascoli.

леніемъ которой вѣдьма улетаетъ. *Роженциъ* или *судииъ* Молизскіе Славяне не знаютъ. Родственныя отношенія и названія для нихъ тѣ же, что и у остальныхъ Сербовъ; но не существуетъ *лобратимство*. Исчезновеніе Славянскихъ обычаевъ и обрядовъ, замѣна Славянскихъ пѣсенъ Итальянскими и итальянизмы въ языкѣ должно приписать вліянію сосѣднихъ Итальянцевъ, съ которыми Молизскіе Славяне находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ и вступаютъ въ родственныя связи, а также преслѣдованію всего Славянскаго со стороны Итальянскаго католическаго духовенства и отсутствію Славянской школы. Подъ вліяніемъ Итальянщины, языкъ измѣнился и лексически и грамматически. Большая часть словъ для обозначенія предметовъ отвлеченныхъ—Итальянскія; таковы напр. *капитъ* (carige, понимать), *респиднатъ* (respondege, отвѣчать) и т. п. Вошло также изъ Неаполитанскаго нарѣчія множество словъ для обозначенія самыхъ обычныхъ предметовъ; каковы напр. *пизъ* (pesiello, горохъ), *фаждъ* (fasulo, фасоль), *фребъ* (freva, лихорадка), *камиждъ* (samigiollo, жилетъ), *мучъ* (posse, орѣхъ) и т. п. *Монтемитро*, благодаря своему положенію, менѣе подверглось Итальянскому вліянію; въ немъ сохранились многія Славянскія слова, исчезнувшія въ Кручѣ; таковы напр. *вразъ*, *орихъ* и т. п. Подъ вліяніемъ итальянщины, какъ мнѣ кажется, пали склоненія, смѣшались роды и вошли въ языкъ обороты, несвойственные Славянскому духу. Но, несмотря на сильный наплывъ итальянщины, въ говорѣ Молизскихъ Славянъ, сохранились многія древнія Славянскія слова, исчезнувшія изъ языка Сербскаго и сохранившіяся въ Болгарскомъ и Русскомъ или даже совершенно пропавшія въ этихъ нарѣчіяхъ; таковы напр. *пинеъ* (пѣназь), *вредемъ* (градъ), *рабъ* (дѣло, раб-оти), *тегъ* (тагъ, трудъ), *кутъ* (кжтъ, уголь), *домъ* (рядомъ съ *жижа* и *кућа*), *вробъ* (грѣбъ, горбъ), *лоза*, *тръстъ*, *искати* (вм. Сербскаго *тражити*), *просити* (вм. Серб. *молити*), *находисе* (вм. Сербскаго *налазисе*), *връжесъ назадъ* (вернись назадъ, вм. Серб. *вратисе натрагъ*), *скинутисе* (слѣзтъ съ лошади). Есть и особыя слова, поражающія своею странностью; напр. *вино* называется *жердъ*, *штаны*—*връ-*

бежъ, франкъ или *мира* — *нузъ, урязъ* — *наша, скоро* — *вре* (*ходъ вре* — иди скоро), *много* (слово также существующее въ Молизскомъ говорѣ) — *чюдъ, болото* — *езерина* (*озеро* — *виръ*; срв. *Виръ Базаръ* — Черногорское селеніе на Скадарскомъ озерѣ, въ которомъ еженедѣльно бываетъ базаръ). Эти словарныя особенности Молизскаго говора, по моему мнѣнію, весьма важны. При чисто Сербской основѣ, мы находимъ въ этомъ говорѣ слова, не существующія у Сербовъ, но употребляемая Болгарами и Русскими. Одно изъ двухъ: или было время, когда слова эти существовали и въ Сербскомъ языкѣ, или же Славенскіе поселенцы въ Кручѣ были смѣсь Сербовъ и Болгаръ. Склоняюсь къ послѣднему предположенію. Памятники Неаполитанскаго архива доказываютъ, что сношенія съ Сербами и Болгарами были весьма часты со второй половины XIII вѣка и что съ этого времени жило въ южной Италіи много какъ Сербовъ, такъ и Болгаръ. Кручъ, какъ было выше сказано, обязанъ своимъ происхожденіемъ Славянскимъ переселенцамъ изъ Черителло. О Черителло въ Анжуйскихъ регистрахъ не упоминается, что заставляетъ предполагать позднѣйшее его происхожденіе; а между тѣмъ Славянскія поселенія въ графствѣ Молизе существовали уже въ XIII вѣкѣ. Я полагаю, что жители упоминаемыхъ во времена Анжуйцевъ *Castrum sclavorum*, *Casale sclavorum* и *Sclavi*, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, переселились въ Черителло. Если поселеніе Славянъ въ Черителло дѣйствительно началось во второй половинѣ XV вѣка, какъ полагаетъ г. Де-Робертисъ, то трудно объяснить присутствіе Болгарской стихіи въ Молизскомъ говорѣ и еще труднѣе — существованіе въ немъ коренныхъ Старославянскихъ словъ, утраченныхъ и Сербами, и частью Болгарами. Первичная форма этихъ словъ доказываетъ ихъ древнее происхожденіе; особыя слова, существующія въ Молизскомъ говорѣ, существовали, безъ сомнѣнія, въ языкѣ Славянъ до переселенія ихъ въ Италію; ибо невозможно предположить, чтобы они, на новыхъ жилищахъ, среди чужой стихіи, могли создавать новыя слова; періодъ творчества долженъ былъ прекратиться, наступилъ періодъ забвенія, утраты, иска-

женія, замѣны своего чужимъ. Всѣ эти соображенія ведутъ меня въ тому заключенію, что *предки нынѣшнихъ жителей Круча были смѣсь Сербовъ и Болгаръ и пришли въ Италію въ весьма отдаленную эпоху*, вѣроятно, раньше XIII вѣка, — въ XII и даже XI вѣкѣ (при Норманнахъ были и сношенія съ южными Славянами и Славяне жили въ южной Италіи), но никакъ не въ XV, какъ доселѣ предполагали.

Особенность Молизскаго говора составляетъ *глухое произношеніе окончаній*: ябукъ, цвѣтъ, сланъ, земль, бръдъ, небъ, младъ — веһь младъ (вм. млаһи), великъ, липъ, слипъ, менъ, тебъ, ти машъ, Майо нимашь доһъ, земль травъ пунъ, овцъ пунъ вунъ, ходъ вре, хомъ домъ (пойдемъ домой). Гласная слышна только кое-гдѣ въ окончаніяхъ мѣстоименій (но не личныхъ), прилагательныхъ и глаголовъ: добра доша вашъ литъ, доніо е, река (вм. рекао), липа моя лозицъ.

Глухіе сохранились въ срединѣ словъ при *p* (бръдъ, смрътъ), какъ и въ Сербскомъ, и точно также, какъ и въ немъ, въ остальныхъ случаяхъ переходятъ въ *y*, *o*, *a*: вукъ, піо, данъ. Въ окончаніяхъ слышно въ произношеніи различіе между *z* и *ѣ*: гдѣ глухой звукъ замѣнилъ *a*, *o*, *y*, *ы*, *ж*, — тамъ слышенъ *z*, въ остальныхъ случаяхъ — *ѣ*; напр. рукъ, ногъ (рука, нога), литъ, ми есмъ, рибъ малъ (рыбъ малъ); — земль, доһъ, проһъ, ти есъ, дичанъ (парень) ноһъ, очъ (очи).

Носовые замѣнились чистыми *a*, *e*: рука, челедь, ма = ма, та = та, са = са; остатокъ носового произношенія мы слышали въ словѣ *дъмбокъ* вм. *дубокъ* (глубокъ).

Ѣ выговаривается, какъ *и*: липъ, слипъ, свить, цвѣтъ.

Ы, какъ въ Сербскомъ, смѣшалось съ *и*: битъ = быть и быть; но въ словѣ *быкъ* произносится, какъ *a*: *бакъ*.

Смягченіе согласныхъ такое-же, какъ и въ Сербскомъ; но есть случаи, когда гортанныя не смягчаются, на сколько можно судить по слову *боиенъ*, божій.

Въ слѣдствіе глухого произношенія окончаній *роды* смѣшались: градъ, рукъ, ногъ, бръдъ. Тверже сохранилось окончаніе сред-

няго рода (вино, благо) и окончанія прилагательныхъ (груба немилла) и мѣстоименій притяжательныхъ (моя, твоя, своя) и относительныхъ (кой, коя, кое).

Склоненія въ именахъ существительныхъ пали, и падежныя окончанія замѣняются предлогами. Замѣчательно употребленіе въ род. п. предлога *до* вм. *одъ* (отъ): сыръ *до* конь сасисавалло), страхъ до Иванъ Карловичъ. Встрѣчается окончаніе род. и вин. п. жен. р.: згора стине, сламе, рибу малу, постелю. Попадаются также окончанія собирательныя: кученья, гвоздье, цвиѣна.

Прилагательныя утратили полное окончаніе. Изъ падежныхъ окончаній мы слышали только для вин. жен. р. въ пословицѣ: рибу велика зында рибу *малу*.

Замѣчательно употребленіе *числительнаго ена* (жен. р.) для муж.: *ена* кучакъ (кобель). Въ вин. жен. ед.: *ену* и *енъ*.

Остатокъ *двойств. ч.*: *обе две* ногъ.

Мѣстоименія личныя сохранили слѣд. падежныя окончанія:

		Единственное:			Множественное:					
И.	Я	—	ти	—	онъ, о, а,	ми	—	ви	—	они
Р.	менъ	—	тебъ	—	нега, га, — ?	насъ	—	васъ	—	
В.	—, ма	—	—, та	—	— — — ю	»	—	»		
Д.	менъ, ми	—	тебъ ти,	—	нему, му, ?	намъ	—	вамъ	—	?
Т.	мъномъ	—	?	—	?	?	—	?		

Въ мѣстоименіяхъ притяжательныхъ и относительныхъ только кое-гдѣ сохранились родовыя и падежныя окончанія: мой сивъ, свое благо, отць могъ, твоіехъ службеникъ, ова моя щерь, ове очь, мою ямъ.

Въ *глаголахъ* гласныя окончанія удержались чище. *Неопредѣленное наклоненіе* сохранило только краткое окончаніе на *тъ, ть*. *Причастія дѣйств. залога* пропали, замѣнившись *дѣепричастіемъ*: живуѣ, говоруѣ. Прич. прош. стр. имѣеть только окончаніе *н*: званъ, наѣнъ. Изъ временъ употребляются *настоящее, прошедшее простое и сложное и будущее сложное*.

Настоящее:

гредемъ, видимъ — ви)ю
 гредешъ, видишь
 греде, види
 гредемб, видимо
 гредете, видите
 гредуть, видать

Прошедшее простое:

бихъ гредахъ, видахъ
 бишь гредашъ
 бишь гредашъ
 бихмъ , гредахмъ
 бихтъ гредахтъ
 биху гредаху

Прошедшій сложный: 1. Я са, ти съ (есь), онъ е био; хи съмо
 (есьмо), висте, они су билъ.

2. Я бих умро и т. д.

Будущія сложения: 1. Я һю, ти һешъ, онъ һе, ми хоһемо,
 ви хоһете, они хоһю. битъ.

2. Я мамъ (имамъ), ти машъ, онъ ма,
 ми мамо, ви мате, они маю пла-
 катъ.

Повелительное: хомъ — веселимосе, хитить.

Замѣчательна особая форма повелительнаго: *нека я битъ, нека ти битъ* и т. д. Удержалось правильное отличеніе *долмихъ и кратмихъ* словъ: кѣко Мара прѣда, нѣко грѣда.

2-го мая, въ 9 часовъ утра, мы простились съ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, сѣли на муловъ (на мѣстномъ говорѣ *муя*) и въ сопровожденіи двухъ проводниковъ отправились по кратчайшему и несравненно лучшему прежняго пути въ Термони, куда прибыли послѣ восьми часоваго путешествія. Дорога идетъ большею частію по равнинѣ, покрытой пашнями, виноградниками, оливковыми и миндальными деревьями. Подъемы рѣдки. Виды чрезвычайно живописны. Съ другой стороны дороги видны *Палата* и *Монтечильфоне* (Албанское селеніе), а съ лѣвой *S. Felice*, *Montemitro*, *Tavenna* и *S. Giacomo*. Всѣ селенія построены на горахъ. О двухъ случаяхъ во время этого переѣзда слѣдуетъ упомянуть для характеристики Молизскихъ Славянъ. Не успѣлъ окончить старшій изъ нашихъ проводниковъ рассказъ о грубости и корыстолюбіи рода Мирко, какъ спустились съ горы двое Мирко-

вичей, возвращавшіеся изъ Термони съ виномъ. Вслѣдъ за бранью начались лобызанія и, послѣ угощенія виномъ, похвалы — черта, не дѣлающая чести нашимъ соплеменникамъ. Но по прїѣздѣ въ Термони случилось нѣчто еще хуже этого. При дѣлежѣ платы за муловъ наши проводники перессорились и чуть не подрались. Моему спутнику пришлось судить ихъ и употребить все свое краснорѣчіе, чтобы какъ-нибудь примирить ихъ. Эти два случая оставили въ насъ самое непрїятное впечатлѣніе послѣ столькихъ свѣтлыхъ минутъ, проведенныхъ нами въ Кручѣ.

Въ заключеніе считаю полезнымъ сообщить текстъ перевода притчи о блудномъ сынѣ, изготовленнаго г. Де-Рубертисомъ для г. Рускаллы и издавнаго этимъ послѣднимъ чрезвычайно дурно. Я провѣрилъ его вмѣстѣ съ г. Де-Рубертисомъ и переписалъ его кириллицею, прислушиваясь къ произношенію каждаго слова.

Еданъ човекъ имашъ два сына.

И веһь младъ онизіехъ е река оцу: отаць, дай ми діо благо, кои менъ почька; и отаць е диліо нимъ благо.

И малодана пакта синъ веһь младъ, скупио све, е поша по путь градъ далекъ, и онди е пропуха свое благо, живуһь неправо.

И, када онъ е харчіо све, велика скупоһа е дошла на они градъ и онъ паче имать потрибу.

И е поша, и са врзїо на сподаръ съ ники прибвалиць оне земле, кои нега посла свое ниве опате прасеня.

Онъ жудяшь пунить трбухъ мохине, кои идаху прасеня, а никоръ нему даяше.

Када е са спознатїо, е река: корко службеникъ мога огы имаю чюдъ крухъ, и я умирамъ одъ гладъ.

Я һю са устатъ и һю поһь ди мой отаць и һю речъ нему: отаць, я са чинїо великъ грихъ напридъ небъ и напридъ тебъ.

Я ниса достоянъ битъ веһь званъ твой синъ: нека я битъ еданъ твоіеихъ службеникъ.

Онъ е са устао к е псша ди свой отаць; и када бишь юпшь сдалеко, неговъ отаць е видіо нѣга, и има смилованье и са хятіо вратъ нега, и е полюбіо нега.

И синъ е рекъ: отаць я са чиніо великъ грихъ напридъ небъ, напридъ тебъ; я ниса достоянъ битъ веѣъ званъ твой синъ.

А отаць е река свой службеникъ: доните овамо халя веѣъ липа, 'буцйте га и врзйте му витица на пръсть и постоле на ногъ.

И довите изванъ тель тустъ, и убите га, и идемо и веселимосе.

Ови мой синъ бишь умро, и е живъ; бишь изгубленъ, и е біо наѣнъ. И су почалъ чиньтъ велико свеѣанье.

То меѣю синъ пръви бишь на ѣиве, и како гредашъ, е чуо певаніе и играѣе.

И званъ еданъ службеникъ е пита: што биху све оне стваре.

И онъ е река: твой братъ е доша, и твой отаць е убіо тель тустъ, ка е нега има здраво и весело.

И онъ е са жалостіо и ніе тіо улисть; за'ово неговъ отаць е излазіо и нега моляшъ улисть.

А онъ говоруѣъ е река оцу: отоѣ сада торко годишть я служишь, и нигда са приступіо никоръ твой заповидъ и нигда ти съ ми дао еданъ козль за са веселить съ мое пріятели.

А када ови твой синъ, ко е изіо твое благо съ курве, е доша, ти съ му убіо тель тустъ.

И онъ е река нему: синъ, ти вазда есь съ мьномъ и сва моя стваръ е твоя.

Сада бишь часть чинить свеѣаніе и са веселити: ови твой братъ бишь умро и е живъ; бишь изгубленъ и е біо наѣнъ.

Въ этомъ буквальному переводѣ съ итальянскаго встрѣчаются выраженія не народныя: *и званъ единъ службеникъ, е пита* = и *chiamato uno de'servitori, domandò*; *здраво и весело* дурной переводъ итальянскаго *sano e salvo*; *за ово* = *laonde* (тогда, Серб. *тада*); *за са веселитъ* = *per rallegrarmi*. Г. Рускалла считаетъ

итальянизмомъ выраженія: *сада бишь частъ чинитъ свеѣаніе* = *ora era a farsi festa*. Если бы не было слова *свеѣаніе*, можно было бы согласиться съ г. Рускаллою. Г. Де-Рубертисъ не могъ мнѣ дать отчета въ этомъ выраженіи: я считаю его неправильнымъ, если не читать *часъ*, въ значеніи времени, вмѣсто *частъ*, честь. Вообще переводъ отзывается книжностью.

Остается мнѣ пожалеть, чтобы кто-либо изъ славистовъ занялся специально изученіемъ говора Молизскихъ Славянъ и посѣтилъ не только *Кручъ*, *Монтемитро* и *С. Феличе*, но и тѣ селенія въ которыхъ славянская рѣчь уже вымерла.